Мое зрение искривляется, превращаясь в пустоту. Я лечу вниз сквозь бесконечную, беспросветную черную пустоту - падаю, но воздух не обтекает меня. Нервы щемит от ощущения, будто за мной наблюдают издалека или будто я краем глаза замечаю движение, но никого не вижу. Нет ничего за исключением меня, нет звуков, запахов или температуры, только смутное ощущение "падения".

Вместо этого меня окружают густые, как вода, миазмы Предвестника. Ее потоки бьются о мое тело, словно пытаясь заставить меня вернуться обратно, но я все равно падаю. Все, что я могу сделать, - это приготовиться к столкновению и надеяться, что меня не раскрошит, как падающую звезду, разбившуюся о землю.

Вдруг сквозь дымку пробивается тусклый ржаво-красный свет. Я замечаю очертания, вырисовывающиеся в темноте. Светящийся прямоугольный указатель. На ней десятью белыми буквами выведено слово, которое я не могу разобрать, но которое кажется мне слишком знакомым. Кажется, там написано "ПРОЯВЛЕНИЕ", но каждый символ выглядит искаженным, кривым или просто неправильным, как будто нарисованным по памяти человеком, которого больше заботит внешний вид указателя, чем его реальное назначение.

Как только я об этом подумала, так сразу же почувствовала всплеск враждебности вокруг себя, пронзивший до самых костей. Оно говорит мне, что если я желаю остаться, то должна доказать свою принадлежность или принять ее. Вдалеке слышится слабый, далекий вой сирены скорой помощи. С каждой секундой он становится все громче, все ближе. Вынырнув из темноты под собой, я вижу стерильную, просто узорчатую плитку больничного пола, бесконечно тянущуюся во все стороны. С каждой секундой звук сирены скорой помощи усиливается в моих ушах, и поверхность устремляется ко мне, заполняя все мое зрение.

В тот момент, когда я думаю о том, чтобы поджать под себя ноги, по моему телу прошелся импульс. Тупая, тяжелая боль пронизывает мои ступни и поднимается вверх по ногам. Колени подгибаются, и я падаю вперед, ударяясь правой рукой о склон. Я кувыркаюсь вниз по склону, в глазах мелькает контраст белого пола, уходящего в черную бездну. Внезапно земля выравнивается подо мной. Мое тело замирает, спина прижимается к прохладной поверхности, а трость падает на пол совсем рядом. Даже мои карты рассыпаются и порхают в воздухе, образуя вокруг меня разрозненные круги.

Я пытаюсь подняться на ноги, но моя правая рука кричит от боли. Мои глаза плотно зажмурены, по щекам текут горячие слезы. Я втягиваю воздух сквозь зубы и заставляю себя поднять ноги. Когда мне удается встать, тупая боль в суставах уже не кажется такой сильной, она ослабевает, когда я вытираю слезы рукавом. Правая рука побаливает от неприятного фиолетового синяка, а пальцы жжет, но я могу это игнорировать. У меня есть опыт игнорировать те части тела, которые болят.

Медленно, шатаясь, я поднимаюсь на ноги и беру трость. Карты сами взлетают вверх, собираясь вокруг меня в ровную орбиту. Я окидываю взглядом безмолвную Рану - белая плоскость исчезает в бескрайней тьме. Затем, в порыве движения, настолько внезапного, что я вздрагиваю, пол складывается вверх, словно грани картонной коробки собираются, ограждая меня. Когда перестановка заканчивается, я стою в стерильно белом коридоре, уставленном дверями - как я понимаю, они были на полу до того, как пол загнулся вверх и стал боковыми

стенами. В центре каждой двери есть тонкое окошко, но сквозь него виден только туман. Каждое из них помечено разными неразборчивыми словами, написанными светящимся белым текстом, который становится ярче, когда я, спотыкаясь, поднимаюсь на ноги. По коридору разносится негромкое гудение открывающегося лифта.

Как только пространство успокаивается, из его углов и щелей начинает просачиваться что-то похожее на густую грязь. Она наползает живыми оттенками серого и красного, окрашивая чистые белые поверхности в цвет засохшей крови. Местами она разрывается, образуя десятки грязных черных отверстий - грубо-круглых клыкастых пастей.

Прошлой ночью я мельком увидела обратную сторону этого мира, наблюдая, как ужас, которого не следовало бы существовать, врывается в мою жизнь. Еще мгновение назад я видела ужасные плоды рук его создателя. Я думала, что эти вещи могут закалить меня перед лицом реальности.

Но это не так. Ничто не могло подготовить меня к тому, что мир полностью заменится этим. Сцена создания Раны на моих глазах сковывала дыхание.

Впереди коридор тянется все дальше и дальше, заканчиваясь примерно через 12 метров зияющей черной пустотой. Целый кусок мира еще не закончен, как будто я вошла в чей-то сон, пока его разум еще строит его. Я понятия не имею, сколько всего здесь еще находится в стадии строительства, если не сказать больше, что произойдет, если я ступлю в пустоту, и насколько непосредственно Предвестник контролирует формирование этого места. Сон ли это или сцена, которую он спланировал и построил? Полая тьма тянется все дальше и дальше, коридор создается сам собой, пока я всматриваюсь в его глубины. Знаю ли я хоть что-нибудь о том, во что ввязалась?

Что такое Предвестник? Как они выглядят? Что именно они могут делать, и что я могу сделать им такого, что принесет результат? Почему-то мне вспоминаются уроки по безопасности, которые все проходят в начальной школе. Лекции и сопровождающие их милые видеоролики не давали ответов ни на один из этих вопросов. В голове щебечут обрывки бесполезных советов:

— Предвестники питаются болью и печалью, поэтому если вам или вашим знакомым тяжело, постарайтесь выговориться и найти способ улучшить ситуацию!

— Если вы видите что-то страшное, что не можете объяснить, убегайте и зовите Хранителя! Только Хранители могут защитить мир от монстров!

Таких странных задорных девизов, подчеркивающих важность хорошей психической гигиены, было множество. Когда я стала старше, я задумалась о том, о чем они не договаривали. Если ты загнан в угол Предвестником, и ни один милый маленький дух не появится, чтобы предложить вам Обещание, что тогда делать? Наверное, они не сказали об этом, потому что на этот вопрос есть только один ответ: молиться о спасении. Все остальное, вероятно, просто способ дать детям почувствовать, что они действительно могут что-то сделать, чтобы защитить

себя.

Тем не менее, те видео, слова Вьюджи и то, что я видела сама, - единственная информация, которой я располагаю. Фотографий и видеозаписей сражений с Предвестниками никогда не было, и к настоящему времени многие причины этого стали для меня понятны. Я знаю, что все Предвестники разные, что навредить им могут только Хранители, и мало что еще.

По крайней мере, несколько ответов на эти вопросы ждут меня дальше. Они мне пригодятся, если я планирую и дальше заниматься этим делом. Я содрогаюсь от этой мысли, но... нет, я не могу сейчас так отвлекаться.

Прежде чем я успеваю спланировать свой следующий шаг, участок грязи на полу корчится и пузырится, что-то поднимается из трясины. На мгновение оно выглядит как бесформенная струя живой слизи, лишенная всякой индивидуальности, за исключением отверстий, в которые проросли рты, но затем эта субстанция начинает растекаться, как тонкая, болотная грязь, со всеми ртами.

Оставшаяся после полностью исчезнувшей грязи фигура смутно напоминает человеческую, но слишком высокая и тощая, окутанная слоями рваной серой ткани. Разорванная, она все еще почти полностью скрывает своего владельца - дыры в ткани ни разу не смещались настолько, чтобы обнажить находящееся под ней существо. Ближе к низу истрепанные лохмотья уступают место клубку черных лапок насекомых, еще несколько обмотаны вокруг огромного белого фолианта, который существо прижимает к груди. Капюшон скрывает большую часть головы, но когда оно наклоняется, чтобы посмотреть на меня, появляется тонкое, плоское, как наконечник стрелы, безглазое лицо, разделенное пополам пастью с черными клыками, которые дергаются, как конечности.

А за клыками - слишком длинный и слишком широкий ряд блестящих белых человеческих зубов, впившихся в распухшие красные десны.

Существо, которое может быть только Предвестником, заговорило, и его пасть раскрылась еще шире, но звук доносился отовсюду сразу. Его голос похож на мучительный ноющий шум кардиомонитора, но этот ужасный гул определенно складывается в слова. Я не знаю их и, конечно, не могу повторить, но каким-то образом я знаю, что это слова на каком-то языке, и этот язык что-то значит для моих магических чувств. Речь этого существа имеет странный строгий ритм, как будто оно пытается исполнить стихотворение. Я едва могу разобрать суть того, что оно выражает:

<Правда написана шрамами>.

<Юрфальн>

Воспринимать все, что говорит мне его кричащий голос, в один миг - чрезвычайно сложно, ни одна его часть не отделима от другой. Это одновременно и имя, и бессмысленное провозглашение, а может быть, и нечто большее, что-то вроде слоев, которые я чувствую, но не

могу понять. Это очень похоже на то, как если бы я пыталась прочесть свою собственную душу, если бы каждая ее часть была чем-то искаженным, враждебным и чуждым".

Затем пронзительная песня резко обрывается, унося с собой свое послание.

Что-то врезается в стену позади меня. Я с визгом оборачиваюсь. В конце коридора дверь распахнулась, открыв лестницу, ведущую наверх. Путь дальше в этот безумный мир? Нет, не похоже. Вверх - это путь, по которому я только что прошла, так что, судя по логике снов, в которых используется магия, это, скорее всего, выход из Раны.

Как бы в подтверждение, из ртов на стенах доносится пронзительный хор бессмыслицы. Я все еще не понимаю, на каком языке они говорят, но смысл ясен: Ты, должно быть, заблудилась, – говорят они, вторя жертвам снаружи. Мы не принимаем таких, как ты. Давай, уходи отсюда, пока я не передумал.

Со своей стороны, Предвестник - Юрфальн, так его зовут - просто ждет и наблюдает. Его тело при движении изгибается в странных местах, и он постоянно наклоняет всю верхнюю часть тела вперед и назад. Словно животное, пытающееся получше разглядеть какую-то новую диковинку.

Возможно, было бы ошибочно искать в действиях Предвестников какую-то логику, но что-то в этом есть...

Хищные животные - едва ли не самая большая опасность в дикой природе, но я читала, что если ты когда-нибудь столкнешься с ними, то лучше всего держать себя в руках и вести себя бесстрашно. Не ввязываться в бой, но и не отступать и не убегать. Вести себя как охотник, которого нужно избегать, а не как легкая добыча. Это не я загнанный зверь, а Предвестник, - несмотря на то, что я прыгнула прямо в его логово, выглядит он так, словно не хочет на меня охотиться.

Если он не хочет сражаться, если он видит во мне угрозу, то, возможно, он еще не подготовился к встрече. Может быть, рискну предположить, мы оба боимся того, что будет дальше. В любом случае, я знаю, для чего я здесь. К моему удивлению, мне даже кажется, что я знаю, как это сделать. Вьюджи сказала мне, что я могу исказить мир внутри Раны, сразиться с Предвестником за контроль над его собственной сценой. Когда она это сказала, я понятия не имела, как я смогу сделать что-то подобное, но теперь, когда я оказалась здесь, я просто знаю, что могу это сделать. Этакий инстинкт, который проявился впервые. Не то чтобы внутренний поток моей магии здесь стал сильнее, так что же изменилось?

Неважно. Нет времени стоять здесь и размышлять. Я знаю только одно: моя сила хочет быть использована. Море в моей душе - это бушующий шторм страха и отвращения. Оно хочет выплеснуться за пределы меня, распространиться, поглотить это место в качестве топлива для себя, как лесной пожар. Нет, как вирус. Я понимаю это с дрожью, которая только усиливает это желание.

Отлично. Сделай это. Зарази этот кошмар. Сожги его изнутри.

Эта мысль - все, что нужно, чтобы моя магия ожила. Карты поднимаются с орбиты и начинают выстраиваться передо мной. Нет ощущения, что я ими управляю - магия просто воплощает мое намерение в действие. Вредить и разрушать что-то с помощью такой силы, как у меня, должно быть самым простым ее применением, и мне почти не нужно думать о том, как это сделать, если я решила это сделать. Как и говорила Вьюджи, какая-то часть меня сама все знает.

Через несколько секунд карты образуют замысловатый асимметричный узор, не похожий ни на один из реальных раскладов, которые мне доводилось видеть. По форме он напоминает ветви дерева, но перевернутые, соединяющиеся в верхней части в ствол. Все незнакомые абстрактные сцены на картах окрашены в новые цвета, грязные серо-коричневые оттенки Юрфальна... нет, все, кроме одного. На конце одной из ветвей - ядовито-зеленая карточка, о которую я уколола палец, теперь сияет холодным изумрудным светом. Перевернутая смерть.

От моей карты тянутся нити оголодавшихся теней, которые переползают на ближайшую к ней ветку. Пожелтевшие лампы на потолке дико мерцают, и сквозь пронзительные голоса, доносящиеся изнутри стен, прорезаются крики боли. Разбросанные по ковру порчи Юрфальна, рты на стенах начинают кашлять изумрудным туманом, сплетенным из нитей непроглядной черноты. Растущие облака становятся жутко яркими, заливая зал тошнотворным сиянием моей силы, и искрятся так, что мне это напоминает скорее ледяной туман, чем ядовитый газ.

Но с ощущениями не поспоришь: если представить этот мир как море, подобное тому, что есть в моей собственной душе, как загрязненное, болотистое пространство, кишащее инопланетными паразитами, то моя магия - это горькое онемение, распространяющееся по воде. Она начинается как пленка инея на поверхности болота, но холод неуклонно проникает все ниже, пока не коснется ползающих под ним существ. Она просачивается в них, и хотя поначалу ощущение такое, будто я сама прикасаюсь к десяткам жирных, отвратительных тварей, они быстро замерзают и тонут, унося с собой мою силу в глубины Юрфальна. Распространяя ее. Как и говорила Вьюджи, они – проводники для меня.

Примерно через двадцать секунд крошечные рты начинают таять от пола и стен, превращаясь в ледяные зеленые облака, словно они не выдыхают мой туман, а извергают из себя внутренности, которых у них никогда не было, пока от них ничего не остается.

Меня тянется блевать, глядя, как моя сила проникает в этот живой кошмар, превращая их обоих в нечто гораздо худшее, но я не могу отвести взгляд. Это мало чем может помочь, ведь я чувствую действие магии так же сильно, как и вижу ее, да и монстр, стоящий прямо передо мной, может в любую секунду нанести ответный удар. Я все еще не знаю, что буду делать, когда это произойдет, – надеюсь, что те же инстинкты, которые вели меня через это ужасное вторжение, смогут подсказать больше.

Однако Юрфальн не бросается ни на меня, ни на мою магию. Он просто оглядывает стены, с шипением и свистом изучая распространяющийся туман. Туман медленно сгущается, заполняя все большую часть узкого коридора, но Предвестник не предпринимает никаких усилий, чтобы противостоять ему. Когда туман покрывает пол вокруг него, зеленые усики начинают хвататься

за его разорванную одежду, продираясь сквозь дыры в ткани, но Юрфальн не делает ничего из того, что могло бы противостоять мне. По крайней мере, я не вижу или чувствую этого.

До тех пор, пока тело Юрфальна не сотрясает дрожь. Одна из его нижних ног отрывается со звуком, слишком похожим на треск костей, и, падая, растворяется в тумане. Голос заикается, затем переходит в бессловесный вой сирены, в вопль какой-то необъяснимой эмоции. Он сгорбился, согнулся и вытянулся, приняв форму скорее сороконожки, чем человека, и начал корчиться, дергаясь в беспорядочных движениях. Я укрываюсь свободной рукой – глупый, бесполезный рефлекс, как будто это может что-то остановить, – но оно все еще не идет ко мне. Вместо этого оно... оно ползет по стенам, шныряя между зараженными ртами.

Судя по грызущим, чавкающим звукам, которые он издает, не прерывая своего воя, и по неровным участкам, вырванным из грязного ковра при его движении, он их ест.

Желчь поднимается у меня в горле. Я подавила ее. Как? Почему? Разве я не причиняю ему боль? Он потерял еще две ноги - неужели ему все равно? Я не знаю. Хочу ли я знать, понять, почему эта штука делает то, что делает? Нет, но я должна...

Верхняя часть тела Юрфальна изгибается назад, поворачиваясь ко мне лицом. Некоторые из его клыков мерцают зеленым светом, медленно растворяясь в смертельном тумане, а сам он что-то стрекочет на своем языке. Оно кажется возбужденным. Слова не такие четкие, как раньше, но та же часть меня понимает их. Да, хорошо, идем! Делись! – как бы говорит оно. Затем оно отворачивается и уносится по коридору, ползая по спирали, но вместо того, чтобы удаляться, оно, кажется, просто тянется все дальше и дальше.

Тяжелые шторы, похожие на театральные портьеры из больничных ширм, из ниоткуда падают на коридор впереди, и весь мир начинает двигаться вокруг меня с ужасающей быстротой. Я лечу по коридору, не двигаясь с места, и с каждым слоем занавесок по стенам ползет еще одна спираль, еще один бесконечный виток Юрфальна. И вот, когда уже ничего не осталось, последняя занавеска распахивается и вбрасывает меня в новый мир.

Слепящий свет режет глаза. Холодный воздух проникает под кожу. Земля рябит настолько, что дезориентирует. Глазам требуется мгновение, чтобы адаптироваться, а когда это удается... это вовсе не земля. Моя колода Таро по-прежнему парит рядом со мной, но мир полностью изменился. Я на пляже, стою на поверхности океана недалеко от берега. Вода под моими ногами абсолютно твердая, как стекло, если не считать легкой ряби мелких волн на ее поверхности. Снежинки танцуют в воздухе под слабым ветерком - это яркий зимний день, но солнца не видно, и свет имеет флуоресцентный желтый оттенок, от которого весь свежевыпавший снег кажется грязным.

Юрфальна нигде не видно, но я не одна. Там, где море встречается с берегом, стоят две фигуры в человеческий рост, одетые в те же скрывающие поношенные лохмотья, что и Предвестник. Им явно трудно двигаться, даже стоять. Они дышат так тяжело, что каждый выдох похож на стон боли, и дрожат от холода при каждом приливе ледяной воды, омывающей их ноги. Тем не менее, они ведут, похоже, веселый разговор, полностью состоящий из насекомоподобного стрекота.

Вокруг нас поверхность океана усеяна прядями темных, вязких водорослей. Они прибиваются к пляжным дюнам с приливом, собираясь в огромную влажную массу, пахнущую тухлыми яйцами. Постепенно из этой кучи появляются крошечные челюсти, похожие на те, что выросли в результате порчи Юрфальна, но не только это - в ней также прорастают блестящие черные перья.

И вот уже твари на берегу наклоняются, дрожащими руками зачерпывают груды клыкастых, покрытых перьями водорослей и подносят их ко рту.

Я отвожу взгляд, но звуки от этого не утихнут. Жадное, отчаянное скрежетание. Я не пытаюсь закрыть уши, не для того, чтобы уберечь раненую руку, а потому что уже уверена, что это не поможет. Я просто закрываю глаза, пока шум не стихает, сменяясь другим. Короткие, тихие вопли, гораздо более тихие, чем голос Юрфальна, напоминали зов птиц, озвученный сиренами.

Когда я снова бросаю взгляд на берег, закутанные существа машут мне рукой, словно пытаясь привлечь мое внимание. Они разворачиваются и, пошатываясь, уходят, весело стрекоча. В дальнем конце пляжа тропинка поднимается на крутой холм, и фигуры вместе взбираются по ней, опираясь друг на друга, пока не исчезают из виду.

Это место... оно совсем не похоже на тот недостроенный мир больничных палат, в который я впервые попала, но что это? С какой целью он привел меня сюда? Присутствие Юрфальна ощущается все сильнее, но самого Предвестника я нигде не вижу и не чувствую. Сам пляж без особенностей, если не считать огромной кучи водорослей, покрывающих его берег, а океан, кажется, простирается до бесконечности, ровный и чистый, если не считать темных полос, дрейфующих по нему. Я перешагиваю через них, когда они приближаются ко мне - чем бы они ни были, я не хочу иметь с ними дел.

Убедившись, что ничто из ближайшего окружения не собирается меня убивать, я снова просматриваю свою колоду. Цвета на картах продолжают меняться - на большинстве ветвей перевернутого дерева проступили зеленые и черные прожилки. Глиняно-кровавые оттенки Юрфальна огибают мои цвета, сочась по ним, как амеба, пытающаяся поглотить свою жертву. Несколько усиков ядовито-зеленого цвета оторвались от места своего возникновения и теперь одиноко корчатся в грязи, но они не стираются и не поглощаются. Создается впечатление, что их уносит вверх, медленно волоча по стволу фигуры.

Что это значит? Что вообще все это значит, и почему это похоже не столько на борьбу с монстром, сколько на совместный страшный сон с ним? Хранители охотятся и убивают Предвестников - вот и все, что я знала об этом, идя сюда. Я пришла сюда, чтобы убить Юрфальна, я уже замахнулась на него, а он все еще не проявил ни малейшего интереса к сопротивлению. Я почти не понимаю, что он делает, не говоря уже о мотивах. Но я все еще здесь, чтобы убить его, а оно ждет где-то дальше внутри. Остается только один путь.

И я направилась к берегу и остановилась, когда вода перестала поддерживать меня, мои ботинки коснулись мокрого песка. Даже в самом узком участке водоросли навалены слишком широко, чтобы просто перепрыгнуть через них. Я нахожу участок, относительно свободный от странных зарослей, и тыкаю в него тростью. Ничего не происходит, поэтому я отступаю назад,

задерживаю дыхание и делаю все возможное, чтобы перепрыгнуть через него с разбегу. Получается не очень хорошо - я с тошнотворным влажным хлюпаньем падаю в середину массы и неуклюже пробираюсь дальше, больше опасаясь того, что может случиться, если я вдруг споткнусь и упаду в нее лицом вперед, чем того, что она сделает, если я задержусь.

Я останавливаюсь, чтобы стряхнуть грязь с ботинок, лишь когда оказываюсь на сухом песке, но она странно липкая - нет, она цепляется, шевелится, крепко держится за меня, медленно ползет вверх единой массой. У меня пересохло во рту, когда она добралась до верха моих ботинок. Бесформенные пряди тянутся к моим ногам. Холодная, склизкая влага просачивается сквозь ботинки в толстые чулки.

Убирайся убирайся УБИРАЙСЯ—

Все мое тело вздрагивает от первого прикосновения, и магия вырывается на поверхность, бросаясь на защиту. Без всякой мысли, без осознанной воли, просто с отвращением, вызванным каким-то новым странным инстинктом, сила вливается в барьер, который я создала перед уходом из дома, превращая его из тонкого слоя холодной враждебности в плащ ядовитой злобы, где могу выжить только я. Цепкие водоросли не исчезают в ничто и не распадаются, как зараженные рты, но теряют силу, увядая и рассыпаясь в сухую шелуху у моих ног. Я все еще корчусь, спотыкаясь, и бормочу что-то хриплым голосом, очень похожим на "почемуууууу?".

Я поворачиваюсь и бегу вверх по склону, насколько позволяют мои слабые ноги.

В конце пути открывается узкая каменистая долина, где земля быстро выравнивается. В дальнем конце ее находится... похоже, что когда-то это был старый каменный храм, а потом его оставили плесневеть на века. Вдоль стен яркий мох смешивается с переливающимися оттенками порчи Юрфальна, а там, где поверхность не заросла, она испещрена витиеватыми символами, почему-то напоминающими те, что изображены на обратной стороне моих карт Таро. Они совсем не похожи на нацарапанные неразборчивые символы, которыми был отмечен вход в Рану, - это символы на другом языке, не похожем ни на кларишский, ни на какой-либо другой известный мне язык. Три полуразрушенные каменные арки служат входом, а дальше - только тьма. Слабый смех умирающих детей эхом разносится по долине.

Возле развалин собралась небольшая группа закутанных фигур. Двоих я узнала по радостному стрекотанию и постоянной дрожи, как тех, с пляжа, и они повернулись ко мне и снова помахали рукой, когда я подошел, но они сидят совсем рядом с третьим. Новый стоит перед большим холстом на подставке - пишет картину, полностью поглощенный своим делом. Картина незаконченная и простая, но, к моему удивлению, не настолько грубая, чтобы я не могла понять, что на ней изображено. Это потрепанное существо на больничной койке, сквозь саван подключенное к бесчисленному лесу приборов и трубок, наполненных странными цветами. Вокруг него собрался круг существ, они хлопают и радуются.

Когда я подхожу ближе, художник что-то бормочет про себя, грубо вытирает кисть об ткань, а затем... вонзает ее в одно из дрожащих существ, прямо сквозь его рваный покров. Существо стонет или вздыхает, когда художник выдергивает кисть, отрывая от его тела влажный комок разноцветной глины, и продолжает спокойно разговаривать со своим собеседником. Художник

опускает глину на подставку, прикрепленную к передней части мольберта, и начинает работать с ней, разделяя ее на цвета. Коричневый. Серый. Множество оттенков красного. И... черный, поблескивающий крапинками зеленого. Я не знаю, что происходит, но я ненавижу это. Я ненавижу все это.

Смех в храме становится громче. Три закутанных существа приостанавливаются, чтобы послушать. Художник быстро возвращается к своей работе, а свежераненый поворачивается ко мне и поднимает капюшон, обнажая нижнюю половину лица. У него человеческая голова с человеческой кожей, но нет никаких черт, кроме рта, расположенного между мандибулами[1] насекомого. Он улыбается, и это выражение не похоже на оскал монстра. Это улыбка, которую я слишком хорошо запомнила с седьмого этажа: мягкая, печальная улыбка, которую пациенты выдавливают из себя перед родными, говоря им: "Со мной все хорошо. Мне не очень больно".

Я подавила очередную волну тошноты. Долгое время я только и могла, что смотреть и думать, даст ли мне что-нибудь уничтожение картины. Вряд ли.

Дрожащей свободной рукой улыбающееся существо указывает на арки и кивает, один раз. Затем оно опускает голову, почти кланяясь мне, и снова надвигает капюшон на голову.

Как только я заглядываю в арку, откуда-то из темноты раздается голос Юрфальна. Поделись. Благодатью! Научи меня, дай мне, будь мной! - говорит он.

— Я убью тебя, — прохрипела я в ответ. Даже когда слова слетают с моих губ, они кажутся жалкими. Слишком мелкими и ничтожными, чтобы соответствовать тому, что происходит в этом месте, чем бы оно ни было. Но это все, что я придумала.

Когда я прохожу мимо них и вхожу в храм, парные существа хлопают и слабо свистят на прощание.

Примечание:

1. Мандибула – верхние челюсти (жвалы) насекомых.

http://tl.rulate.ru/book/88302/3468717